

К 25-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ В. В. МАЯКОВСКОГО

ГОРДОСТЬ СОВЕТСКОЙ ПОЭЗИИ

В. МАЯКОВСКИЙ
Владимир Ильич Ленин
Из поэмы

Слова у нас, до важного самого, в привычку входят, ветшают, как платье. Хочу сиять заставить заново величественнейшее слово — партия. Партия — это единый ураган, из голосов спрессованный тихих и тонких, от него допояются укрепления врага, как в канонаду от пушек перепонки. Партия — это миллионов плечи, друг к другу приматы туги. Партией стройница	держит и вздымая друг друга. Партия — спинной хребет рабочего класса. Партия — бессмертие нашего дела. Партия — единственное, что мне не изменит. Сегодня приказчик, а завтра царства стираю в карте я. Мозг класса, дело класса, сила класса. слава класса — вот что такое партия. Партия и Ленин — близнецы-братья, — кто более матери-истории ценен? Мы говорим — Ленин, подразумеваем — партия, мы говорим — партия, подразумеваем — Ленин. 1924 г.
---	---

Полпред стиха

Стремительно, широким шагом вошел в жизнь латышского народа и его литературы Владимир Маяковский еще в начале 20-х годов. Он как-то сразу стал своим, понятным и родным среди широких масс трудящихся и прогрессивной интеллигенции Латвии. И здесь во весь голос звучала могучая поэзия поэта-трибуна. Книжки великого советского поэта передавались из рук в руки. Поэмы и стихотворения В. Маяковского декламировались на вечерах самодеятельности, устраиваемых левыми профсоюзами и Народным университетом, революционная молодежь их заучивала наизусть, партийные агитаторы и пропагандисты цитировали их в своих выступлениях.

Многие новые произведения В. Маяковского после их выхода в свет в Советской России разными путями проникали сюда, немедленно переводились на латышский язык и широко распространялись в списках. Министерством внутренних дел и специальным 18-м параграфом ужесточения о печати строжайше запрещалось «возвезти и распространять» наряду с произведениями В. И. Ленина, И. В. Сталина и М. Горького также все произведения В. Маяковского. Но стихи советского поэта обходили все рогатки цензуры и появлялись не только на страницах легальных революционных изданий, но и в легальной печати.

В 1922 году удалось издать на русском языке десятилетним тиражом поэму Маяковского «Люблю». Книжку конфисковали, и, хотя полиция поставила караулы в типографии, часть тиража все же попала в руки читателей.

В том великом животворящем влиянии, какое оказало на развитие всей латышской демократической и революционной литературы в лютые времена буржуазной Латвии советская литература, В. Маяковский принадлежит видное место. Все лучшее, что было в то время в латышской поэзии, в той или иной мере связано с именем величайшего поэта советской эпохи. Злая сатира Маяковского, его уничтожающая саркастическая критика, направленная против буржуазного мира, буржуазной морали и нравов, солнечный оптимизм его поэзии, утверждающей все новое, коммунистическое, оригинальная форма стиха — все это оставило глубокий след в латышской революционной литературе. Многие известные теперь латышские советские писатели, особенно поэты — В. Лукс, А. Валодис, А. Григулис, Ю. Ванга, М. Рудзит, П. Вилин и другие — учились у Маяковского, прощали, как они сами говорят, «школу Маяковского».

Впервые с его творчеством латышских читателей познакомил литературовед Р. Эгле в 1918 году в своей статье «Две России», посвященной новейшим произведениям молодой советской литературы. В дальнейшем, особенно с середины 20-х годов, не только в нелегальных коммунистических изданиях, но и в легальной демократической печати часто появляются статьи о Маяковском и рецензии на его новые работы. О нем писали Андрей Упит, Ариис Григулис, Линард Лайцен, А. Чак, Я. Плаудис и другие. Немало сделали прогрессивные латышские писатели и поэты, чтобы познакомить трудящихся с творчеством талантливейшего советского поэта. Исключительная популярность поэта в народных массах приводила в бешенство националистическую буржуазию и опоявшихся в Риге русских белогвардейцев.

Пролетариат Латвии и вся прогрессивная общественность высоко оценили творчество великого поэта. Когда в мае 1922 года Маяковский проездом остановился в Риге, ему готовилась восторженная встреча. Перепуганные власти поспешили запретить всякие публичные выступления поэта, шпики следили за каждым его шагом. На него министерством внутренних дел и охранкой было даже заведено специальное дело № 4773, как на опасного «сотрудника Наркомпроса, члена посольства Советской России». И все же Маяковский выступил перед представителями рабочих организаций на закрытом заседании и прочитал тогда поэму «150.000.000» и другие произведения.

Вторично Маяковский был в Риге в декабре 1924 года. Весть о его приезде распространилась моментально, но и на этот раз буржуазные власти не разрешили ему публичные выступления. В клубе советского подпредства Маяковский прочитал свою поэму «Владимир Ильич Ленин».

Оба выступления Маяковского были выдающимися событиями в общественной и литературной жизни Латвии, они еще теснее сблизили прогрессивную латышскую интеллигенцию с советской культурой.

О буржуазной Латвии Маяковский написал злоую, уничтожающую сатиру «Как работает республика демократическая». Будучи в Риге, как рассказывают товарищи, встречавшиеся тогда с ним, поэт меньше всего интересовался «мелкими делами» и мелкими личностями, вроде высмеянного им потом министра внутренних дел Квисиса. Он интересовался «большими делами» полнотной Латвии, ее рабочим движением и революционной литературой. Своим большим мужественным сердцем он горячо любил латышский народ и думал о будущей Латвии — Латвии Советской. Сегодня свободный латышский народ чтит память любимого поэта.

Э. СОКОЛ.

Глашатай мира

Поэт-трибун, поэт-патриот всегда сражался на тех участках фронта, где враг наступал яростней. Огонь своего оружия — сатирических стихотворных беллетристов и памфлетов, текстов к рисункам своих товарищей по оружию и своих собственных карикатур и плакатов — он всегда направлял на тех врагов, которые в то или иное время являлись самыми опасными. И будь то Керзон или Пилсудский, Колчак или Деникин, скрытые или явные внутренние враги — разные разгильдяи и вредители, подхалимы и суеверы, предатели и иностранные шпионы, — он немедленно ополчался на врага и бил без промаха. До конца своих дней Маяковский любил вспоминать об «Окнах РОСТА», справедливо считая свое участие в них крайне важным этапом в своей жизни.

Когда отгремели бои с белогвардейцами и интервентами и началось восстановление страны и строительство новой жизни, поэт отдал новым задачам весь свой огромный талант, неуемный темперамент, свою несокрушимую энергию. Мир был нужен молодой Советской республике как воздух, как солнце. И о мире поэт говорит во весь голос, утверждая, что миролюбие советских людей не является признаком их слабости, они не выпрашивают, а требуют мира. В стихотворении «На западе все спокойно» Маяковский призывает:

В. В. Маяковский

От первой республики
крестьян и рабочих
отбросим
войны
штыкастые щупальцы.
Мы
требуем мира.
В стихотворении «Слушай, народчик!» поэт говорит, почему мир необходим советским людям, строителям новой жизни:

Наш крик о мире —
не просьба слабых,
мы строить хотим
с усердием двойным.

Многогранный, откликающийся на все самые животрепещущие вопросы дня, глядящий далеко вперед, живущий неразрывной жизнью с народом, Маяковский одну из самых главных своих задач видел в борьбе против империалистических захватчиков, разжигающих кровавую вражду между народами, днем и ночью помышляющих о том, как бы приостановить и разрушить мирное строительство Советского Союза. Во вступлении к поэме «Во весь голос» он предвидит, что будет разговаривать с «товарищами потомками» поистине во весь голос, «как живой с живыми», и эти крылатые слова каждый день находят подтверждение в жизни нашей страны, в движении сторонников мира на всем земном шаре. Великий советский поэт помогает людям доброй воли отстаивать мир во всем мире.

В 1929 году Маяковский свое стихотворение «Долой» закончил строками:

На всей планете,
товарищи люди,
объявите:
войны не будет!

И нынешний апрель чудесно согласуется с призывом поэта: новые и новые сотни, тысячи и миллионы людей ставят свои подписи под Воззванием Всемирного Совета Мира против применения атомного оружия.

Писси Коммунистической партии, ее

С тех пор прошло свыше тридцати лет, и ряды международного рабочего сотрудничества удесятерились, стали сильнее и крепче. Французские докеры, углекопы, батраки поклялись, что народ Франции не будет воевать против Советского Союза. Для Маяковского солидарность пролетариата не подлежала сомнению, но ее надо было укреплять, раскрывать рабочим глаза на предателей, дельцов, замаскированных убийц. Такие торгаши потом и кровью рабочих, надевшие личину социалиста или профсоюзника, опаснее открытых врагов.

Когда Маяковский тридцать три года назад в своих сатирических строках поведал о том, «как работает республика демократическая», он на себе испытал злобу и тупость латышской буржуазии. Восемь лет спустя воспоминания о советском дипломате Теодоре Петте, убитом на территории буржуазной Латвии, вызвали у него горячее желание

Жить единым
человечьим обществем.

И тогда же он выразил мысль, что человеку необходимо воплотиться в разные «долгие дела», быть то паролем или стихотворными строчками, чтобы продолжать свою жизнь и после смерти. Во вдохновенных строках выступления к ненаписанной поэме о пятилетке он эту свою мысль о долгих делах донес до нас еще ярче и крепче, сказав, что его стих

трудом
громаду лет прорвет
и явится
весомо,
грубо,
зримо.

Так и случилось, стихи Маяковского вошли в жизнь людей, в их дела и помыслы. Когда мы слушаем величественный гимн Советской державы, мы думаем о могуществе нашей Родины, о партии, приведшей ее к этому могуществу, о людях, отдавших свой ум и свое сердце делу коммунизма, о великом русском народе и ведущей роли его культуры в борьбе за гуманизм, демократию, за мир во всем мире. И мы видим в своей среде вечно живого поэта-трибуна, воспевшего Ленина, партию, Советский Союз.

В содружестве свободных советских народов латышский народ познал счастье творческого труда — он узнал, сколь много добра, как много прекрасных и великих дел могут совершить малые народы. И поистине уже писал бы теперь Маяковский о нашей республике. Он зовет нас вперед, он напоминает всегда, что

надо
рваться
в завтра,
вперед.

У него горели ладони от нетерпения, от желания охватить будущее своими руками. И мы сознаем, что на нас лежит ответственность за исполнение самых смелых мечтаний Маяковского, за сохранность всего того чудесного, что уже достигнуто, за будущее наших детей. И мы знаем, что поэт шагает, трудится, борется вместе с народом.

Ян СУДРАБАЛН.

Ленинцы

Отрывок

Втрое, каждый станок и верстак, работу свою увеличи!	так велел Ильич. ..Достань бюрократу под кипой бумаг, рабочей яроги бич, — так боротся велел Ильич. Не береги от критики лак, чин в оправданье не тычь, — так велел Ильич. ..Намордник — фашистам! Довольно собак спускать на рабочую «дичь»! Так велел наступать Ильич. Не хнычешь, а торжествуешь и чествуешь. Ленин с нами бессмертен и величав, По всей вселенной ширится шествие — мыслей! слов и дел Ильича. 1930 г.
---	---

Боевая драматургия

Театр, драматургия привлекли внимание Маяковского уже в самый первый, дореволюционный период его творческой жизни. В одной из своих статей, опубликованной в 1913 году, он писал: «Великая ломка, начатая нами во всех областях красоты... не остановится, да и не может остановиться перед дверью театра». Как всегда, слова у Маяковского подкреплялись делами. В том же 1913 году он закончил трагедию «Владимир Маяковский», поставленную тогда же в Петербурге. Исполнителями этого первого сценического произведения Маяковского были не актеры-профессионалы, а учащаяся молодежь, любители. В заглавной роли выступил сам 20-летний поэт.

Полностью развернулось дарование Маяковского-драматурга лишь после Великой Октябрьской революции. 7 ноября 1918 года, в первую годовщину Великого Октября, была поставлена премьера «Мистерии-Буфф» Вл. Маяковского. Это была первая советская пьеса. По свидетельству А. В. Луначарского, «Мистерия-Буфф» была не только первой, но и «единственной пьесой, которая задумана под влиянием нашей революции и поэтому носит на себе ее печать, загорную, дерзкую, мажорную».

Прочный успех пьесы на протяжении ряда лет объясняется не только ее боевым, революционным содержанием, но и высоким мастерством драматурга-новатора. «Мистерия-Буфф» откликнулась на самые острые проблемы современности.

Вновь вернулся Маяковский к «большой» драматургии уже в последний период своей деятельности. Две крупные его пьесы — «Клоп» и «Баня» — написаны одна за другой в 1928 и в 1929 годах. В этих ярко выраженных сатирах Маяковский всю силу своего таланта отдавал борьбе с «родимыми пятнами капитализма». Носителей мещанства и пошлости больно кусал «Клоп» Маяковского: бюрократ, приспособленец, чинуша, он задавал крепкую «Баню». И в обеих произведениях драматург выступал не только как гневный сатирик, но и как певец лугезарных грядущих дней.

Продолжая традиции М. Е. Салтыкова-Щедрина, Маяковский создал выуклые сатирические характеры. Им противопоставлены полнокровные образы советских людей.

И в этих пьесах, так же, как в «Мистерии-Буфф», Маяковский выступил как новатор, смело ломающий привычные сценические рамки, каноны и штампы.

В чем же существо драматургического новаторства Маяковского? Ответить на этот вопрос лучше всего можно словами самого драматурга, написанными по поводу «Баня»: «Театр забыл, что он зрелище... Попытка вернуть театру зрелищность, попытка сделать подмостки трибуной — в этом суть моей театральной работы». Борьба с «левыми» формалистическими экспериментами, Маяковский одновременно наносил неспадные удары и по натуралистической серости, и по слонавому «исходожеству», и по сладенной красноречию.

Разве не являются сатирическим осуждением «лакировщиков» и проповедников «теории» бесконфликтности реплики Победоносикова: «Сгущено все это, в жизни так не бывает... Это надо переделать, смягчить, оптимизировать, округлить...»

К спектаклю «Баня» Маяковский написал серию стихотворных лозунгов, актуальных сейчас для советского театра и драматургии. Призывая к активному участию в деле строительства коммунизма, Маяковский писал:

Коммуна строится трудно и туго.
На помощь строителям перо драматурга.
К тому же призывает он и работников театра:
Долой бутаторские трюны и сор!
Переделывай жизнь, коммунист-режиссер!
О том, насколько боевыми и правильными были позиции Маяковского-драматурга, свидетельствуют ставшие сейчас поистине классическими слова поэта:

Ставь прожектора,
чтоб рампа не померкла,
Крути,
чтоб действительное
мчадо, а не текло.
Театр,
не отображающее зеркало,
а —
увеличивающее стекло.

Почетным делом советского театра является освоение драматургического наследия Маяковского. Но, несмотря на явный, большой успех отдельных постановок «Баня», они так и остаются пока «отдельными», а точнее — их всего две. Вот и сейчас в Москве два театра готовят «Клопа», а больше что-то нового не слышно... Руководители театров Советской Латвии, на примере гастролировавших у нас в прошлом году лоскотиан, убедились, как хорошо принимает «Баню» зритель, убедился и... никаких практических выводов не сделали.

Нам кажется, что не только «Баня» и «Клоп» — это уж бесспорно — но и «Мистерия-Буфф» сможет зазвучать сегодня в полную силу. Для этого нужен инициативный режиссер.

М. И. Калинин назвал Маяковского «бойцом революции», «великолепным образцом служения советскому народу». Эту службу поэт верно несет и сегодня. Советский народ знает, любит и высоко ценит своего поэта.

Юр. ЮРОВСКИЙ.

Х О Р О Ш О !

Отрывки из поэмы

Я с теми, кто вышел строить и месь в сплошной лихорадке буден. Отечество славлю, которое есть, но трижды — которое будет. Я планов наших люблю громадь. размаха шаги саженьи. Я радуюсь маршу, которым идем в работу и в сраженья... И я, как весну человечества, рожденную в трудах и в бою, пою мое отечество, республику мою! Я земной пар чуть не весь и жизнь хороша, и жить хорошо. А в нашей буче, боевой, кипучей, — и того лучше. Вьется улица-змея, Дома вдоль змеи.	Улица — моя. Дома — мои. Грудью у витринных книжных груд. Моя фамилия в поэтической рубрике. Радуюсь я — это мой труд в труд моей республики. Пыль взбили шинной губатой, — в моем автомобиле мои депутаты. В красное здание на заседание. Сидите, не советите в моем Моссосвете. Розовые лица. Розовыер желт. Моя милиция меня бережет. Железом правит, чтоб вправо шел. Пойду направо — очень хорошо. Надо мною хитр.	небо — синий шелк. Никогда не было так хорошо! Дымовой дых тяг. Воздуха береги. Пых-дых, пых- тят мои фабрики, Пыли, машина, шибче-ка — вовек чтоб не смолкла, — побольше ситчика моим комсомолкам. Ветер подул в соседнем саду. В ду- хах про- шел. Как хо- рошо! За городом — поле. В полях — деревенки, В деревнях — крестьяне. Бороды — веники Сидят папаша. Каждый хитр.	Землю пошатет. попишет стихи. Что ни хутор, от ранних утр работа любя. Сейут, мне пекут хлеба. Доят, пашут, ловят рыбицу. Республика наша строится, дыбится. Другим странам по сто. История — пастыро гроба. А моя страна — подросток, — твори, выдумывай, пробуй! Радость прет. Не для вас уделить ли нам?! Жизнь прекрасна и увеличательна. Лет до ста расти нам без старости. Год от года расти нашей бодрости. Славьте, молот и стих, землю молодости. 1927 г.
--	--	--	--